

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ШВЕДСКОГО ИСЛАМИЗМА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО «ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»

Е. Ю. Талалаева
Т. С. Пронина

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

Поступила в редакцию 29.04.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-7

© Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С., 2021

Современные общественно-политические реалии Швеции постепенно трансформируются под влиянием нового актора на европейской геополитической арене — этноконфессионального «параллельного общества». Появлению элементов институционализированного мусульманского «параллельного общества» на «незащищенных территориях» (маргинализированных иммигрантских районах крупных городов Швеции) способствует ряд различных социально-политических факторов. Однако в основе данного процесса лежит деятельность исламистских политических, общественных и экономических структур, придерживающихся религиозно-политического курса «Братьев-мусульман» (организации, запрещенной в РФ) и ориентированных на постепенную исламизацию населения Швеции через идеологическое воздействие на иммигрантов «мусульманского происхождения». Усилия шведских исламистских организаций, направленные на сохранение и укрепление «мусульманской идентичности», не только противодействуют культурной ассимиляции иммигрантов, но и во многом препятствуют полноценной реализации шведской интеграционной политики. Недостаточная изученность процессов «мирной» исламизации шведского общества и сопутствующих ей проблем исламофобии, антимусульманского расизма и радикализации мусульманской молодежи обуславливает актуальность исследования деятельности исламистских организаций в отношении шведского мусульманского иммигрантского сообщества. Реконструкция целостной картины формирования этноконфессионального «параллельного общества» в Швеции в рамках данного исследования осуществляется методом анализа научной литературы, источников и статистических данных, всесторонне отображающих ключевые аспекты феномена шведской исламизации. Кроме того, полученные результаты позволяют оценить эффективность политики противодействия «параллельным обществам» и мер по укреплению демократических ценностей как основы единого шведского социума со стороны государственных структур.

Ключевые слова:

исланизм, политический ислам, «параллельное общество», «незащищенная территория», мусульманская идентичность, иммигранты «мусульманского происхождения», «Братья-мусульмане», национальная безопасность Швеции

Введение

Трансформации современного глобального миропорядка во многом способствует конфессиональный фактор. В частности, это проявляет себя через формирование на территории национальных европейских государств мусульманских

Для цитирования: Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С. Социально-политический аспект шведского исламуизма как фактор формирования этноконфессионального «параллельного общества» // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 4. С. 111–128. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-7.

«параллельных обществ», происходящее вследствие идеологического воздействия исламистских организаций на этноконфессиональные иммигрантские сообщества. Исламизм (политический ислам) представляет собой политическую идеологию, произрастающую из особой интерпретации ислама и основывающую на нем свою легитимность. Сара Хан, возглавляющая британскую Комиссию по борьбе с экстремизмом, определила исламизм как современное политизированное движение, идеологическая основа которого предполагает религию в качестве руководства для политических действий и определенной системы веры в Бога [1, р. 52]. Исламистские политические партии, общественные организации и движения существенно отличаются друг от друга, что обуславливает необходимость их исследования в контексте той социально-политической среды, где они функционируют.

В Швеции деятельность исламистских организаций способствует формированию особой «мусульманской идентичности», призванной защитить и сохранить культурно-религиозные традиции шведских мусульман. Однако, с другой стороны, это является основой противопоставления положительного образа «шведов» и «иммигрантов мусульманского происхождения» как источника угроз демократическому укладу шведского общества и национальной безопасности со стороны мусульманской радикализации. Таким образом, нацеленность исламистских организаций на усиление своего влияния в шведском мусульманском сообществе и отстаивание религиозного аспекта идентичности его членов приводят к росту исламофобских настроений в обществе и анклавизации иммигрантских районов в крупных шведских городах с формированием в них элементов «параллельного» социально-политического сектора. Недостаточная изученность данных процессов в контексте шведской общественно-политической системы и острая необходимость поиска решений политических, культурных и социально-экономических проблем, сопутствующих сегрегации шведских иммигрантских пригородов («незащищенных территорий»¹), обуславливают актуальность данного исследования.

Теоретическая основа и методология исследования

Несмотря на значительное число современных исследований, посвященных деятельности зонтичной исламистской организации «Братья-мусульмане» на европейском пространстве, в контексте шведских социально-политических реалий данный феномен изучен слабо. Тем не менее понятие «исламизм» прочно обосновалось в дискурсе шведской политики безопасности, ассоциируясь с экстремистской деятельностью. Согласно отчету Министерства юстиции Швеции о насильственном политическом и исламистском экстремизме «термин исламизм в большинстве случаев используется для описания подхода, рассматривающего ислам как всеобъемлющую и идеологическую модель управления страной, в отличие от взгляда, в котором ислам воспринимается как религия»². Поэтому в отношении проявлений исламской радикализации термин «исламизм» было рекомендовано заменить на понятие «мусульманский экстремизм»³, смещающее акцент с ислама как религии.

¹ Rätt insats på rätt plats – polisens arbete i utsatta områden. S. 16. URL: https://www.riksrevisionen.se/download/18.7546977617592429b913d517/1604927340756/RiR%202020_20%20Anpassad.pdf (дата обращения: 07.04.2021).

² *Våldsbejakande extremism i Sverige, nuläge och tendenser*. Justitiedepartementet. S. 22. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/departmentsserien/valdsbejakande-extremism-i-sverige--nulage-och_H2B44 (дата обращения: 07.04.2021).

³ *Våldsbejakande islamistisk extremism i Sverige*. S. 28. URL: <https://www.cve.se/download/18.62c6cfa2166eca5d70e2160/1547452379244/S%C3%A4po%20V%C3%A5ldsbejakande%20islamistisk%20extremism%202010.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).

Как отмечает шведский антрополог и специалист по вопросам исламизма и мультикультурализма Айе Карлбом, несмотря на существование определенной угрозы для государственной безопасности со стороны радикально ориентированных мусульман, исламизм как социально-политическое явление следует отличать от насильственного экстремизма неофундаменталистских салафитских движений [2, s. 7]. В связи с террористическими актами, затронувшими шведское общество в последние несколько лет, в современном шведском социально-политическом дискурсе стало принято разделять «мирный» исламизм и радикальную экстремистскую деятельность. Таким образом, шведские исламистские организации, официально не признающие своего членства, но руководствующиеся идеологическими установками «Братьев-мусульман», осуществляя свою «мирную» политическую деятельность в условиях европейской демократии наравне с прочими социально-демократическими акторами, считаются не причастными к террористическим актам на европейском пространстве [3, p. 3; 4, p. 30]. Однако это не отменяет устремлений данных религиозно-политических структур «через “мирную” исламизацию западного мира прийти к коренному переустройству глобального мирового порядка на принципах политического ислама» [5, с. 194]. В этом плане под понятием исламизации подразумевается постепенное идеологическое воздействие на мусульманина, нацеленное на формирование его религиозной идентичности как начального этапа построения исламского государства на европейском пространстве. Следовательно, исламистские организации в Швеции ориентированы на долгосрочное постепенное внедрение своей религиозно-политической идеологии в шведское общество, прежде всего через иммигрантские мусульманские сообщества.

В качестве теоретической и источниковой базы данной научной работы выступают: 1) научно-исследовательские проекты по вопросам исламизма и экстремистской деятельности, осуществленные на базе шведских университетов по государственному заказу; 2) полицейские отчеты, отображающие состояние дел в «незащищенных территориях»; 3) исследования проблемы исламофобии и мусульманского расизма в шведском обществе, проведенные по запросу шведских мусульманских организаций; 4) работы, изучающие деятельность исламистской организации «Братья-мусульмане» на европейском пространстве; 5) уставы шведских исламистских организаций; 6) правительственные акты Дании и Швеции в отношении «параллельных обществ»; 7) статистические данные о составе шведского мусульманского населения.

Методология данного исследования предполагает осуществление всестороннего анализа представленной литературы и источников, что позволит составить целостную картину специфики формирования мусульманского «параллельного общества» в Швеции. Таким образом, цель исследования заключается в изучении влияния общественно-политической деятельности шведских исламистских организаций на мусульманское иммигрантское сообщество в Швеции. На основе полученных данных будет осуществлена реконструкция факторов формирования этноконфессионального «параллельного общества» на шведской территории и оценены перспективы государственной политики противодействия «параллельному обществу» как потенциальной угрозе национальной безопасности.

Религиозно-политическая идеология шведских исламистских организаций

Проследить влияние идеологической позиции «Братьев-мусульман» на шведское общество и прибывающих в него иммигрантов из мусульманских стран можно с начала 1980-х годов на основании распространяющихся в иммигрантской среде

информационных листовок об исламе [6, s. 8]. В них был изложен призыв «подчиниться» вере, представленной целостной системой ценностей и норм повседневной жизни, отделяющей этих мусульман от светского общества и под видом религиозного долга постулирующей необходимость дальнейшего распространения этих идей. Стратегический подход «Братьев-мусульман» к построению исламского государства ориентирован на постепенную идеологическую обработку населения, в соответствии с которой личная жизнь мусульман в конечном итоге должна быть подчинена государству, руководствующемуся шариатским судом [6, s. 7]. Данный подход изначально дистанцировал «Братьев-мусульман» от западного общества, способствуя негативному восприятию западных социальных норм и демократических ценностей в мусульманских общинах.

В середине 1990-х годов в Стокгольме была создана «Исламская ассоциация в Швеции». Несмотря на то что данная организация отрицает свою принадлежность к «Братьям-мусульманам», считается, что она функционирует как единый центр, организующий и контролирующей деятельность различных мусульманских организаций⁴ на территории страны и продвигающий идеологические установки «Братьев-мусульман» [6, s. 14]. Исследователи исламизма часто подчеркивают нежелание приверженцев религиозно-политической идеологии «Братьев-мусульман» открыто распространяться о своей причастности к организации (см., напр.: 7, p. 137). Одной из наиболее значимых причин, обосновывающих подобную позицию, является нежелание вызвать неприятие исламистских идей среди немусульманского европейского населения, в сознании которых представления об исламе зачастую соотносятся с негативными проявлениями религиозного экстремизма.

Адаптировавшись к шведской специфике функционирования общественно-политической системы, «Братья-мусульмане» не ограничились созданием общественно-религиозных структур, сформировав разветвленную экономическую структуру [6, s. 10]. Благодаря этому «Братья-мусульмане» смогли обеспечить возможность доступа к финансовым ресурсам, позволяющим распространять и усиливать свое идеологическое влияние среди мусульман, лучше узнавать особенности и способы взаимодействия со шведским обществом. Учитывая, что «Братья-мусульмане» — это «тайная сеть», организации, работающие под ее эгидой, могут осуществлять деятельность, не раскрывая своего членства перед шведской общественностью.

Другим важным стратегическим аспектом европейской деятельности «Братьев-мусульман» является принятие на себя роли лидера европейских мусульман. Иными словами, они взяли на себя представительную роль «посредника» между «мусульманским гражданским обществом» и европейской политической элитой [6, s. 18]. Шведский исламовед Ян Ярпе указывает, что в отличие от ислама как «личной религиозности и опыта... религиозной традиции во всей ее сложности» исламизм представляет собой «призвание религиозной традиции к политическим действиям, утверждение религии как социального строя» [8, s. 12]. Мнению Я. Ярпе созвучен аргумент политолога Бассам Тиби о важности разграничения ислама как религии от политического исламизма: «Исламизм произрастает из особой интерпретации ислама, но это не ислам: это политическая идеология, отличающаяся от учения религии ислама» [9, p. 1]. Б. Тиби не отрицает взаимосвязи этих двух понятий, но представляет исламизм в качестве «изобретения традиции», появившейся вследствие социально-политических изменений на Ближнем Востоке в прошлом столетии [9, p. 1].

⁴ Согласно исследованию «Muslimska Brödrskapet i Sverige» («Братья-мусульмане в Швеции») (2016) к наиболее влиятельным шведским исламистским организациям помимо «Исламской ассоциации Швеции» относятся «Исламская помощь», «Ассоциация изучения Ибн Рушда» и «Молодые мусульмане Швеции» [6, s. 12–14].

Один из наиболее известных «изобретателей» исламистской идеологии — основатель движения «Братьев-мусульман» Хасан аль-Банна, сформулировавший обобщенное понимание ислама, согласно которому религия представляет собой единую систему ценностей и норм для государства и гражданского общества. Специалист по исламистским движениям Халил Аль-Анани характеризует воззрения аль-Банна на религию как «всеобъемлющие убеждения, охватывающие все аспекты человеческой жизни» [10, р. 56]. Согласно мнению профессора Университета Мальмё Анне Софи Роальд, значительный масштаб распространения идеи аль-Банна на европейском пространстве с 1970-х годов вследствие миссионерской деятельности агентов «Братьев-мусульман» способствовал укоренению в общественном представлении исламистского понимания ислама [11, р. 260]. Данная позиция по-прежнему актуальна для организации «Братья-мусульмане» в Египте, в связи с чем Х. аль-Анани отмечает: «Братство не делает различий между религией и политикой. Оно рассматривает ислам как инклюзивную систему, распространяющуюся на все сферы жизни, включая политику, экономику, общество, культуру и т. д.» [10, р. 65].

Религиозно-политическая позиция аль-Банна изначально была идеологической отправной точкой для политических установок исламистских организаций в Швеции [12, с. 20]. Подтверждение данному факту приводится в исследовании шведского исламоведа Йонаса Оттербека публикаций журнала «Салаам» в период 1986—1998 годов, где отмечено, что авторы опубликованных в нем статей чаще всего ссылаются на идеологов «Братьев-мусульман», в частности на Хасана аль-Банну [13, с. 179]. Следовательно, видение ислама как основы для религиозно-политической идеологии, охватывающей все сферы жизни, было заимствовано шведской исламистской средой у авторитетных исламистских идеологов. Один из наиболее распространенных документов, содержащих руководство для понимания ислама шведскими мусульманами, — издание «Att förstå islam» («Понимание ислама») ⁵, составленное под руководством председателя «Федерации шведских мусульман» Махмуда Альдебе при поддержке иммиграционной службы Швеции. Согласно этому документу «ислам предоставляет людям довольно конкретные инструкции, которым необходимо следовать во всех жизненных ситуациях. Инструкции всеобъемлющи и включают моральные, духовные, социальные, политические и экономические аспекты бытия» ⁶.

Такой подход предопределил появление в социально-политическом дискурсе Швеции вопросов о возможности построения «Братьями-мусульманами» управляемого ими «институционализованного исламистского параллельного общества» [14, р. 500] по аналогии с их деятельностью в Египте. В этом плане исламистская деятельность «Братьев-мусульман» и аффилированных с ними европейских организаций по построению мусульманского гражданского общества встречает существенное препятствие: если в Египте формирование «параллельного» социально-политического сектора стало альтернативной возможностью социального обеспечения граждан, которое им не могло предложить государство, то в контексте демократического государственного устройства европейских стран подобная риторика перестает себя оправдывать. Таким образом, «в немусульманских странах публичное повествование о “Братьях-мусульманах” сосредоточено больше на задаче исламизации личности и сообщества, чем государства» ⁷. Однако причаст-

⁵ *Att förstå islam*. URL: <http://docplayer.se/4787087-Att-forsta-islam-2002-06-04-www-islamiska-org-2-81.html> (дата обращения: 07.04.2021).

⁶ Ibid. S. 9.

⁷ *Muslim Brotherhood Review: Main Findings*. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/486948/53163_Muslim_Brotherhood_Review_-_PRINT.pdf (дата обращения: 07.04.2021).

ность иммигрантского населения к определенной религиозной традиции и призыв к сохранению собственной «мусульманской идентичности» в современных социально-политических реалиях является недостаточным основанием для избегания ассимиляции в шведское гражданское общество. Формирование идентичности мусульман в шведском обществе представляет собой неоднозначный и многовекторный процесс, выступая одним из ключевых факторов сегрегации районов проживания иммигрантов и превращения данных территорий в этноконфессиональные «параллельные общества».

Специфика формирования «мусульманской идентичности» в шведском обществе

В Швеции отсутствует какая-либо статистика религиозной самоидентификации граждан. Более того, «в Швеции наблюдается сильное нежелание, если не откровенная враждебность, спрашивать, измерять и собирать данные обо всем, что связано с религией, этнической принадлежностью, языком и расой» [15, p. 14]. Единственная категория для обозначения иммигрантов, официально используемая в Швеции, — лица «иностранного происхождения» (*utländsk bakgrund*)⁸, под которой подразумеваются те, кто родился за границей или чьи родители имеют иностранное происхождение.

Одним из важных факторов формирования идентичности различных групп населения в Швеции, противопоставляющего «шведов» и «иммигрантов», является широкое общественное обсуждение официально опубликованных документов о противодействии этноконфессиональному иммигрантскому гетто в Дании⁹. Переоценка датским правительством собственной государственной стратегии в отношении мусульманских гетто получила широкую огласку в шведских средствах массовой информации, став темой многочисленных дебатов о необходимости смены шведского политического курса в отношении иммигрантов, проживающих на «незащищенных территориях». В контексте данного социально-политического дискурса понятия «иммигрант» и «мигрант» предстают в качестве «проблемы» или «угрозы» шведской нации [16, s. 60]. Согласно этим представлениям об идентичности «иммигрант» ассоциируются с преступностью, безработицей, социальными проблемами и недемократическими авторитарными ценностями в отличие от положительного образа «шведа» — законопослушного, работоспособного, социально безопасного и демократичного гражданина.

В отчете, подготовленном представителями шведского мусульманского сообщества в ответ на усиление расистских и исламофобских настроений в стране, подчеркивается популяризация стереотипного представления шведских мусульман как угрозы «шведским ценностям» и самой идее «шведскости» [15, p. 8], сочетающей в себе базовые аспекты культурной идентичности «шведов». Согласно опросу, проведенному в 2018 году среди шведского населения¹⁰, 85% респондентов наиболее

⁸ *Hur många i Sverige är födda i ett annat land?* URL: <https://www.migrationsinfo.se/fragor-och-svar/hur-manga-utrikes-fodda-sverige/> (дата обращения: 07.04.2021).

⁹ *Ghettoen tilbage til samfundet. et opgør med parallelsamfund i Danmark.* København: Socialministeriet. URL: <https://www.regeringen.dk/tidligere-publikationer/ghettoen-tilbage-til-samfundet/> (дата обращения: 07.04.2021) ; *Ét Danmark uden parallelsamfund — Ingen ghettoer i 2030.* København: Økonomi-og Indenrigsministeriet. URL: <https://www.regeringen.dk/nyheder/2018/ghettoudspil/> (дата обращения: 07.04.2021).

¹⁰ *Oscarsson H. E. Vad är viktigt för att vara verkligt svensk?* URL: <https://politologerna.worddpress.com/2019/07/09/vad-ar-viktigt-for-att-vara-verkligt-svensk/> (дата обращения: 22.05.2021).

важным элементом шведской идентичности считают уважение шведских либерально-демократических законов, 69% указывают на необходимость знания шведского языка, 25% на первое место ставят шведское происхождение и 12% — наличие шведских предков, тогда как 9% заявили о важности религиозного фактора (исповедования христианства). Социально-политический дискурс «шведских ценностей» наиболее распространен в отношении недавно прибывших мигрантов из стран с преобладающим мусульманским населением и мусульман, уже обосновавшихся в пригородах крупных шведских городов. Исходя из сложившейся ситуации, официальные представители шведского мусульманского сообщества констатируют неспособность шведского государства серьезно заняться проблемой исламофобии и «антимусульманского расизма» в отношении шведских мусульман адекватным образом, независимо от состава правительства [15, p. 8].

Так как политика мультикультурализма во многом дискредитировала себя на европейском пространстве в вопросах, связанных с миграцией, в последние годы в социально-политическом дискурсе Швеции преобладает заменивший ее термин «разнообразие» [6, s. 24]. Понятие «разнообразие» имеет постмодернистскую коннотацию, что предоставляет ему возможность включить большее число «идентичностей» в описание культурного и религиозного плюрализма современного шведского общества. Под этими идентичностями, призванными формировать единый социум, подразумеваются не только иммигранты, но и, к примеру, сексуальные меньшинства. «Разнообразие» в обществе предполагает наличие устоявшейся структуры ценностей, определяющей отношение шведского гражданина к меньшинствам. Прежде всего речь идет о толерантности в отношении представителей меньшинств и предоставлении им права со стороны мажоритарного общества придерживаться своего особого образа жизни.

Однако эти общеевропейские демократические ценности, призванные способствовать успешной интеграции в единый социум отдельных групп населения, также представляют собой идеологическую «структуру возможностей» исламистских организаций, аффилированных с ассоциацией «Братьев-мусульман». Так как в значительной степени секуляризированной Швеции не представляется возможным открыто заявить о построении государства на основе религиозно-политической идеологии, «Братья-мусульмане» пропагандируют свой исламистский проект в рамках политики мультикультурализма, ориентированной на «разнообразие» в обществе и признание мусульман в качестве «европейского религиозного сообщества» [6, s. 24]. В соответствии с данным подходом приверженцы идей «Братьев-мусульман» охотнее идентифицируют себя с «глобальной мусульманской уммой», чем с какой-либо конкретной нацией [6, s. 14], что существенно затрудняет процесс интеграции мусульманских иммигрантов в шведское общество. В контексте «глобализированного ислама» понятие «мусульманин/мусульманка» часто приобретает «неэтническое» значение, скорее указывая на идентичность, чем на религиозную принадлежность, что позволяет создать новую обобщенную «этническую группу» [17, p. 124—143]. Также к данной группе могут быть причислены «культурные мусульмане». Под понятием «культурный мусульманин/мусульманка» (Cultural Muslim) как правило подразумевают «светского (нерелигиозного) человека, который, имея мусульманское происхождение (то есть живя в немусульманской стране), все еще отождествляет себя с мусульманской культурой или религией, хотя не является практикующим мусульманином» [18, с. 144]. Ключевым положением европейского понимания этой новой обобщенной «мусульманской идентичности» служит предположение, что все люди, хотя бы отдаленно связанные с исламом, причастны к некоей мусульманской культуре вне зависимости от их происхождения и социального статуса.

Данный неэтнический дискурс актуален для конструирования современной политики идентичности исламистскими организациями как представителями этноконфессиональных сообществ, население которых преимущественно составляют иммигранты «мусульманского происхождения». Политический социолог Хазем Кандил предлагает семиуровневую модель аль-Банна, характеризующую различные фазы социальных изменений [19, p. 110], согласно которой начальными этапами постепенной исламизации выступают становление мусульманской личности, создание мусульманской семьи и формирование мусульманского правительства, отождествляющие идеальное мусульманское общество. Из этого можно сделать вывод, что процесс исламизации в современном шведском обществе основывается на религиозной идентичности мусульманина.

Опыт включения исламского религиозного проекта в контекст мультикультуралистского дискурса можно проиллюстрировать на примере «Шведской мусульманской ассоциации», провозгласившей «всех людей единым целым, несмотря на их различия в расе, религиозных убеждениях и языке» и стремящейся «к многокультурному обществу, основанному на краеугольных камнях человеческих ценностей, равенства, уважения, терпимости, взаимной интеграции, объективности и благополучия»¹¹. При этом одной из основополагающих целей организации является «продвижение, защита, сохранение и укрепление религиозной идентичности членов»¹². Политическая сфера в данном контексте рассматривается в качестве «важного источника знаний», приобщение к которому способствует более активному участию мусульманского меньшинства в шведском обществе. Однако подход, ориентированный на сохранение и укрепление религиозного аспекта идентичности представителей иммигрантских анклавов, способствует политической и социальной поляризации шведского общества, усиливая противопоставление «мы (мусульмане) — они (остальное общество)».

В современной Швеции наблюдается ситуация, когда понятия «ислам» и «мусульманин» упрощены и унифицированы. Это способствовало появлению нового термина «расизм без рас», когда расизм функционирует на основе культурной и религиозной принадлежности [20, s. 20—21]. Подобные упрощения способствовали появлениям в социально-политическом дискурсе таких понятий, как «культурное столкновение» и «религиозный диалог», описывающих культуру и религию как нечто монолитное и статичное [21, s. 78—79]. Это приводит к тому, что попытка защитить мусульман от влияния ценностей западного общества (свободы совести, гендерного равноправия, современных взглядов на «нетрадиционную» сексуальную ориентацию) путем создания «параллельного» институционализованного исламского сектора в виде «мусульманского гражданского общества» оказывает негативное влияние на процесс интеграции сегрегированных мусульманских сообществ в единый шведский социум и может впоследствии оказаться труднопреодолимым препятствием для социализации мусульман, которые иммигрируют в Швецию в последующие годы, что усилит вероятность их радикализации.

Факторы трансформации «незащищенной территории» в этноконфессиональное «параллельное общество»

Исходя из предположения, что в ближайшие годы не предвидится значительного снижения уровня миграционных потоков из ближневосточных и африканских

¹¹ Sveriges Muslimska Förbund. URL: <http://smf-islam.se/vision/> (дата обращения: 07.04.2021).

¹² Ibid.

мусульманских стран за счет новых беженцев и программ воссоединения семей, «параллельный» социально-политический сектор в Швеции может расшириться и функционировать как конкурирующая с основным обществом социально-политическая структура. Это делает вероятным сценарий развития событий, при котором усилия по культурной исламизации населения страны со стороны мусульманских общественных структур могут спровоцировать эскалацию социальной и политической напряженности внутри государства. При этом справедливо возникает вопрос: какова численность мусульманского населения в Швеции и может ли оно в действительности представлять угрозу благосостоянию шведского общества и территориальной безопасности государства?

В современной Швеции отсутствуют исследования о численности мусульман, однако примерное число человек с «мусульманским происхождением» по состоянию на 2014 год оценивалось в 450 000 человек, до 110 000 из которых были членами шести наиболее авторитетных шведских мусульманских организаций [22, s. 144]. Другие подсчеты указывают на 1 022 850 человек, или 10,2% от общей численности населения Швеции в 2017 году¹⁵ и 8,1% — в 2016-м¹⁴. Однако эти данные ориентируются преимущественно на иммигрантов и беженцев из стран, где большинство населения исповедует ислам, не учитывая число мусульман шведского происхождения или иммигрантов из стран ЕС, бывшего СССР и американских государств. Если обратить внимание на долгосрочную ретроспективу, то «всего за 1990—2018 годы доля мусульман в религиозном населении Швеции выросла более чем в 4,6 раза и составляет почти 14% религиозного населения страны» [23, с. 92].

Исследование работы шведских социальных служб с иммигрантами из неблагополучных районов проживания продемонстрировало значительное число «колониальных стереотипов», в соответствии с которыми иммигранты «мусульманского происхождения» рассматриваются как «культурно отсталые», «традиционные», «нелогичные» и «авторитарные» [24, р. 558—560]. Данная модель восприятия иммигрантов неевропейского происхождения в работе социальных служб через призму их культурной идентичности принадлежит к одному из факторов роста исламофобских настроений в обществе и существенно осложняет интеграцию мусульманского населения в шведский социум.

Среди скандинавских государств только Дания и Швеция открыто публикуют официальные государственные отчеты о состоянии дел в проблемных иммигрантских районах. Во многом такая ситуация обусловлена иной демографической географией других стран Скандинавии и, как следствие, присущей им более слабой степенью урбанизации, что существенно снижает вероятность возникновения сегрегированных иммигрантских анклавов. В частности, официальная позиция норвежских властей¹⁵ основывается на отрицании существования в Осло закрытых для полиции жилых районов, тогда как социальные проблемы в областях с высокой численностью иммигрантов не выводятся в категорию особой угрозы, требующей отдельного рассмотрения. Однако если датская позиция в этом вопросе формируется на основе статистических данных [25, с. 64—65], то шведская система ориентирована на обобщенный опыт в восприятии подобных территорий. К примеру,

¹⁵ *Hübinette T.* Hur många muslimer finns det i Sverige? URL: <https://aktuelltfokus.se/hur-manga-muslimer-finns-det-i-sverige/> (дата обращения: 07.04.2021).

¹⁴ *Europe's Growing Muslim Population.* Pew Research Center: Religion & Public Life. URL: <https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (дата обращения: 07.04.2021).

¹⁵ *Parallellsamfunn? Et politiblikk.* Oslo Politidistrikt. S. 22—23. URL: <https://www.politiet.no/globalassets/dokumenter/oslo/rapporter/parallellsamfunn/raprap-fra-oslo-politidistrikt-parallellsamfunn-et-politiblikk.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).

в отчетах шведской полиции¹⁶ описывается наличие «параллельных» социальных структур и присутствие насильственного религиозного экстремизма на территории сегрегированных мусульманских районов, однако не указывается, каким образом были получены представленные данные.

Сегрегированные районы проживания мусульманских иммигрантов (включая до 95% жителей иностранного происхождения) в шведском социально-политическом дискурсе часто маркируют «пригородами» (*förorter*), «иммигрантскими районами» (*invandrarområden*), «исключенными территориями» (*utanförskapsområden*) или «незащищенными/уязвимыми территориями» (*utsatta områden*) [15, p. 20], что усиливает негативное восприятие их жителей в шведском обществе.

Согласно отчету Национального оперативного управления полиции Швеции под «незащищенной территорией» (*utsatt område*) понимается «географически обособленная территория, характеризующаяся низким социально-экономическим статусом, местное население которой находится под влиянием преступных группировок»¹⁷. Тогда как «особо незащищенная территория» (*särskilt utsatt område*) подразумевает наличие параллельных социальных структур; экстремизма; лиц, выезжающих за пределы государства для участия в боевых действиях на конфликтных территориях; высокую концентрацию преступных сил. В случае когда территория характеризуется как «незащищенная», но не соответствует особым критериям, ее принято считать «зоной риска».

Большинство пригородов, попадающих под определение «незащищенных территорий», было построено в период с 1965 по 1975 год в соответствии с «миллионной программой» (*Miljonprogram*)¹⁸, нацеленной на восполнение острой нехватки жилья в шведских крупных городах. Однако уже в начале 1970-х годов в таких жилых районах значительно возросло количество пустующих квартир и дефицит доступного жилья превратился в его переизбыток. Постепенно население в районах с многоквартирной застройкой стало представлено людьми с незначительными финансовыми возможностями, многие из которых являлись иммигрантами или были социально маргинализированы. Согласно данным Национального совета по жилищному вопросу, строительству и городскому планированию Швеции, перенаселенность в этих районах характерна для таких групп населения, как молодежь, лица иностранного происхождения и семьи с низкими доходами¹⁹. Кроме того, закрытый план этих районов предусматривал наличие внутренней жилой зоны с местной социальной инфраструктурой и без проезжей части, огражденной по периметру многоквартирными домами и примыкающей к ним кольцевой дорогой. Данное обстоятельство вместе с социально-экономической отсталостью и перенаселенностью «миллионных» пригородов способствует криминализации этих районов и препятствует эффективной работе полиции.

¹⁶ *Utsatta områden — sociala risker, kollektiv förmåga och oönskade händelser / Nationella operativa avdelningen, Underrättelseenheten*. S. 19–20. URL: https://polisen.se/siteassets/dokument/ovriga_rapporter/utsatta-omraden-sociala-risker-kollektiv-formaga-och-oonskade-handelser.pdf (дата обращения: 07.04.2021).

¹⁷ *Kriminell påverkan i lokalsamhället — En lägesbild för utvecklingen i utsatta områden / Nationella operativa avdelningen, Underrättelseenheten*. S. 4. URL: https://polisen.se/siteassets/dokument/ovriga_rapporter/kriminell-paverkan-i-lokalsamhallet.pdf (дата обращения: 07.04.2021).

¹⁸ *Utsatta områden — sociala risker, kollektiv förmåga och oönskade händelser / Nationella operativa avdelningen, Underrättelseenheten*. 2015. S. 8.

¹⁹ *Trångboddheten i storstadsregionerna*. Boverket. S. 15. URL: <https://www.boverket.se/globalassets/publikationer/dokument/2016/trangboddheten-i-storstadsregionerna.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).

В Швеции в настоящее время существует 60 районов, классифицируемых как «незащищенные территории», 32 из которых относятся к категории «особо незащищенные» или находятся в «зоне риска»²⁰. Важно отметить, что число «особо незащищенных территорий» увеличилось с 15 (2015) до 22 (2019)²¹. На возможности преступных группировок в пригородах крупных шведских городов указывают те факты, что в 2020 году их силами были организованы комендантский час в стокгольмском пригороде Тенста и блокпосты для въезжающих автомобилей в гётеборгских районах Хаммаркуллене и Хьелльбо [26, s. 1]. Кроме того, «особо незащищенные территории» являются сопутствующим фактором усиления исламистской радикализации [27, s. 40]. Наиболее четко эта тенденция продемонстрирована в стокгольмских районах Ринкебю, Ангеред и пригороде Мальмё Розенгарде [28, s. 213]. Несмотря на то что радикализованы могут быть «этнические шведы», прежде не соприкасавшиеся с исламом, большинство людей, подвергшихся радикализации, представлены иммигрантами в первом и втором поколении [29, s. 85]. В течение нескольких последних лет в Швеции численность людей, состоящих в различных агрессивно настроенных экстремистских сферах, увеличилась с нескольких сотен до трех тысяч человек [30, s. 35].

В политической обстановке противодействия терроризму проблемы социальной, экономической и политической маргинализации мусульманского населения в Швеции были приравнены к вопросам по борьбе с насильственным экстремизмом. Вследствие этого фактически ко всем мусульманам в общественно-политическом дискурсе Швеции стали относиться как к «подозреваемым» [31, s. 71]. В исследовании о расовом и этническом профилировании как методе борьбы с преступностью в Швеции указывается: «Мусульманину достаточно находиться в одном месте с контролируемым лицом, чтобы самому стать подозреваемым» [32, s. 25]. С другой стороны, итальянский эксперт по вопросам радикального ислама Лоренцо Видино полагает, что агентами сети «Братьев-мусульман» в Европе преднамеренно распространяется антимусульманский нарратив, ориентированный на акцентирование и преувеличение исламофобских инцидентов, что укрепляет среди мусульман мнение об исламофобии и враждебности окружающего их социума [3, p. 3]. Таким образом, сочетание исламистской идеологии с антимусульманским нарративом может способствовать радикализации определенных групп мусульман. Тем не менее шведским Национальным оперативным управлением полиции отмечается: «В настоящее время в Швеции отсутствуют зоны с полноценной параллельной социальной системой, но ее элементы присутствуют на незащищенных территориях»²².

Либеральная интеграционная политика Швеции нацелена на противодействие «параллельным обществам» и укрепление демократических ценностей. Как и в Дании [25, с. 61], в Швеции основная работа по интеграции мусульманских иммигрантов в единое шведское общество ориентирована прежде всего на детей и школу как ключевой общественный институт, влияющий на процесс их социализации. В этом плане особую опасность представляют «независимые религиозные школы»: «Мы хотим остановить появление новых независимых религиозных школ. <...> Школа, которая должна стать мостом в общество, вместо этого рискует превратиться в анклав, изолирующий детей от остального общества и противодействующий ра-

²⁰ Åtgärder för utsatta områden. URL: <https://data.riksdagen.se/fil/1CC11ADE-EE49-410A-9AB3-A71FB162C76A> (дата обращения: 07.04.2021).

²¹ Ibid.

²² Utsatta områden — sociala risker, kollektiv förmåga och oönskade händelser. Nationella operativa avdelningen, Underrättelseenheten. 2015. S. 19.

венству и равному обращению с девочками и мальчиками»²³. Здесь следует пояснить, что политические, социальные и экономические проблемы, связанные с иммиграцией и появлением мусульманских независимых школ, получили широкое обсуждение с начала 2000-х годов и повлекли за собой целый ряд вопросов, связанных с исламистской деятельностью и исламофобией [33, с. 267].

В настоящее время среди 7000 шведских школ 66 школ являются конфессиональными, из которых 11 — мусульманские²⁴. Именно существование мусульманских школ подвержено глубокой критике в шведском социально-политическом дискурсе, и они позиционируются как «религиозные школы» несмотря на то, что данная категория запрещена шведским законодательством и при несоответствии учебной программы шведским образовательным стандартам такие школы были бы закрыты школьной инспекцией. Требования о закрытии конфессиональных мусульманских школ озвучиваются регулярно. В качестве примера их неприятия в шведском обществе можно привести получивший широкий общественный резонанс случай трансляции на одном из крупнейших телеканалов Швеции истории о раздельном размещении мальчиков и девочек в школьном автобусе одной из стохольмских школ [15, р. 37]. Если со стороны шведской общественности подобная ситуация представляется как нарушение демократического уклада, и мусульманское сообщество рассматривает это как одно из проявлений исламофобии в шведском обществе.

Несмотря на то что шведская интеграционная политика нацелена на «уменьшение сегрегации и создание равных условий для жизни»²⁵, одним из наиболее серьезных камней преткновения между государством и шведским мусульманским сообществом стал вопрос об изъятии детей из мусульманских семей, признанных неблагополучными. Согласно статистическим данным системы защиты прав детей в Швеции ежегодно около 30 000 детей находятся под опекой различных государственных учреждений²⁶, 65% из их числа, а также 83% детей, помещенных в дома-интернаты, имеют иностранное происхождение. Учитывая, что общая доля детей и молодежи иностранного мусульманского происхождения составляет примерно 35% от общего числа представителей молодого поколения жителей Швеции, охват аудитории, с которой работает система защиты прав детей, по мнению мусульманского сообщества, чрезмерен [15, р. 16—17]. Данный факт усиливает недовольство шведского мусульманского населения правительственными действиями и способствует поляризации между шведским обществом и мусульманским иммигрантским сообществом.

Все эти факты указывают на необходимость принятия срочных мер со стороны государственных структур по недопущению дальнейшего развития неблагоприятной ситуации. Пример действий правительства Швеции по предотвращению развития мусульманского «параллельного общества» на территории государства — поручение в декабре 2020 года Национальному совету по вопросам здравоохранения

²³ *Avcı G.* Liberal integrationspolitik. Stärk individen — motverka parallellsamhällen. S. 4. URL: <https://data.riksdagen.se/fil/575BDE5E-4DF0—4F77-A6BC-664AE949D94C> (дата обращения: 07.04.2021).

²⁴ *Lista:* Sveriges religiösa friskolor. Skolvärlden. URL: <https://skolvarden.se/artiklar/lista-sveriges-religiosa-friskolor> (дата обращения: 07.04.2021).

²⁵ *Lagercrantz H. (red.).* Segregation i Norden — om inkludering, unga och politik. S. 19. URL: <https://nordicwelfare.org/wp-content/uploads/2019/10/Segregation-i-norden-webb1.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).

²⁶ *Statistik om socialtjänstens insatser till barn och unga 2019 / Socialstyrelsen.* S. 1. URL: <https://www.socialstyrelsen.se/globalassets/sharepoint-dokument/artikelkatalog/statistik/2020-8-6871.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).

и социального обеспечения инвестировать 250 млн шведских крон в год в период 2021—2023 годов на социальные инициативы на «незащищенных территориях», направленные на принятие и расширение мер в области предупреждения преступной деятельности²⁷. Однако, как показывает ситуация в Швеции, на сегодняшний день этих мер недостаточно для того, чтобы оказать эффективное противодействие усилению сегрегации иммигрантских мусульманских общин. С одной стороны, исламистские организации, способствуя образованию «параллельных обществ» на территории Швеции, не располагают идеологическими инструментами в противостоянии радикализации мусульманской молодежи, проживающей на «незащищенных территориях». В частности, стремление религиозно-политической идеологии «Братьев-мусульман» адаптироваться к демократическому укладу европейских государств приводит к расхождению ее практики с общим посланием Корана, что в результате вызывает активизацию экстремистской деятельности салафитов [34, s. 60]. С другой стороны, государственная интеграционная политика использует довольно противоречивые методы культурной ассимиляции мусульманской молодежи, вызывающие недовольство шведского мусульманского сообщества.

Выводы

Несмотря на достаточно широкое освещение социально-политической деятельности исламистского движения в европейских странах, в Швеции данный феномен по-прежнему остается слабо изученным. Однако активизация действий «мусульманских экстремистов» за последнее десятилетие, повлекшая за собой исламофобский и антимусульманский дискурс в шведском обществе, способствовала актуализации исследований по проблемам исламизма и сегрегации мусульманских иммигрантских общин.

Постепенное идеологическое воздействие исламистских организаций, разделяющих религиозно-политические и социальные идеи «Братьев-мусульман», на шведских иммигрантов «мусульманского происхождения» во многом предопределило сложившуюся территориальную анклавизацию районов их проживания. К настоящему времени данная группа шведских жителей по разным подсчетам составляет 10—14% населения. С целью предотвращения поляризации шведского общества государством была осуществлена попытка реабилитировать дискредитировавшую себя политику мультикультурализма при помощи нового концепта «разнообразия». Однако политика «разнообразия» предоставила «структуру возможностей» для исламистских организаций, адаптировавших идеологические установки «Братьев-мусульман» к специфике демократического шведского общества. Это обеспечило защиту социально-политической деятельности данных организаций от внешней критики путем отставания религиозной идентичности представителей мусульманских меньшинств.

Разветвленная сеть исламистских структур во всех сферах шведского общества и роль «посредника», представляющего интересы мусульманского сообщества перед государством, позволяет исламистским организациям осуществлять противодействие культурной ассимиляции мусульманских иммигрантов за счет формирования особой «мусульманской идентичности». Данный неэтнический подход препятствует эффективной интеграции иммигрантов из мусульманских стран в единый шведский социум и открывает возможности для построения в иммигрантских

²⁷ *Sociala insatser i utsatta områden / Regeringskansliet*. URL: <https://www.regeringen.se/presst-meddelanden/2021/02/sociala-insatser-i-utsatta-omraden/> (дата обращения: 07.04.2021).

районах «параллельного» политического и социально-экономического сектора, располагающего своими «параллельными» общественными структурами: школами, различными социальными службами и экономической инфраструктурой, функционирующими в соответствии с исламскими нормами и ценностями. С другой стороны, усиление влияния датской риторики о необходимости противодействия «параллельным» иммигрантским гетто на шведский социально-политический дискурс способствует проявлениям «антимусульманского расизма» в обществе.

Данные отчетов шведской полиции о состоянии дел в «особо незащищенных территориях», численность которых с 2015 года возросла на треть, низкая эффективность работы социальных служб с иммигрантами и противоречивая политика государства в отношении детей «мусульманского происхождения» указывают на неспособность действующей государственной интеграционной политики отрегулировать сложившуюся ситуацию. Отсутствие эффективных действий по решению проблемы развития «параллельных» структур в «незащищенных территориях» является сопутствующим фактором усиления насильственного экстремизма, что представляет угрозу национальной безопасности. С другой стороны, ситуация усугубляется действиями исламистских организаций. Несмотря на то что идеология «Братьев-мусульман» не только не призывает к экстремистским действиям, но и стремится отгородиться от этого крайнего проявления исламизма, широкое распространение политизированного варианта ислама в мусульманском европейском обществе способствует радикализации молодежи, считающей методы «мирной» исламизации недостаточными для качественных изменений в европейском обществе. Таким образом, проблема насильственного мусульманского экстремизма стала общей для государства и исламистских организаций, несмотря на разное направление социально-политических векторов их воздействия на шведское мусульманское сообщество. Следовательно, решение сложившейся проблемы должно осуществляться объединением усилий обеих сторон, консолидация которых возможна при условии конструирования новой идентичности шведских граждан иностранного «мусульманского происхождения», соответствующей как представлениям демократического шведского общества, так и устремлениям исламистских организаций сохранить мусульманскую культурную традицию и религиозную идентичность иммигрантов из мусульманских стран.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта «Трансформации глобального профессионального геопространства: феномен “параллельных” обществ в системе международно-политических отношений», № 19-18-00054.

Список литературы

1. Khan S. The Battle for British Islam: Reclaiming Identity from Extremism. L., 2016.
2. Carlbom A. Samhället måste öppna sig för mångfalden. Mångfaldspolicyn som politisk möjlighet till islamisk activism. Malmö, 2019. URL: <https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/28798.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
3. Vidino L. The Muslim Brotherhood in Austria. Rapport. Wien, 2017.
4. Roy O. Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State. L., 2016.
5. Андреева Л. А. Вызов современной конституционной системе Германии: деятельность организации «Братья-мусульмане» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 4. С. 192—210. doi: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-9.
6. Norell M., Carlbom A., Durrani F.K.P. Muslimska Brödraskapet i Sverige. 2016. URL: <https://rib.msb.se/filer/pdf/28248.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
7. Pargeter A. The Muslim Brotherhood: From Opposition to Power. L., 2013.
8. Hjärpe J. Islamism: Politisk-religiösa rörelser i den muslimska världen. Malmö, 2010.

9. *Tibi B.* Islamism and Islam. New Haven, 2012.
10. *Al-Anani Kh.* Inside the Muslim Brotherhood. Oxford, 2016.
11. *Roald A. S.* The Discourse of Multiculturalism: An Obstacle to Cultural Change? // *Tidskrift for Islamforskning*. 2014. Årg. 8, Nr. 1. S. 248—274. doi: 10.7146/tifo.v8i1.25330
12. *Carlbohm A.* Islamiskaktivism i en mångkulturell kontext—ideologisk kontinuitet eller förändring? Malmö, 2018. URL: <https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/28456.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
13. *Otterbeck J.* Islam på svenska: tidskriften Salaam och islams globalisering. Lund, 2000.
14. *Schuck C.* A Conceptual Framework of Sunni Islamism // *Politics, Religion & Ideology*. 2013. Vol. 14, № 4. P. 485—506. doi: 10.1080/21567689.2013.829042.
15. *Hübinette T., Abdullahi M.* Swedish Muslims in Cooperation Network Alternative Report. Stockholm, 2018. URL: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CERD/Shared%20Documents/SWE/INT_CERD_NGO_SWE_30871_E.pdf (дата обращения: 07.04.2021).
16. *Lundin T.* Svenskhet i förändring — en kulturvetenskaplig analys av debatten om gettopaketet i svensk press. Göteborg, 2019. URL: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/62140/1/gupea_2077_62140_1.pdf (дата обращения: 07.04.2021).
17. *Roy O.* Globalized Islam: The Search for a New Umma. N.Y., 2004.
18. *Дианина С. Ю., Халиль М. А. М., Глаголев В. С.* «Культурный ислам» в пространстве Северной Европы // *Балтийский регион*. 2019. Т. 11, № 3. С. 142—160. doi: 10.5922/20798555201938.
19. *Kandil H.* Inside the Brotherhood. Cambridge, 2015.
20. *Johansson E. (Ed.)* Forskning om utsatthet hos förmodade muslimer och islamofobi i Sverige. Oxford, 2013. URL: <https://www.do.se/globalassets/publikationer/rapport-forskning-diskriminering-muslimer-sverige.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
21. *Gardell M.* Islamofobi. Stockholm, 2010.
22. *Larsson G.* Islam och muslimer i Sverige — en kunskapsöversikt. Stockholm, 2014. URL: <https://www.myndighetsnst.se/download/18.50d91f6b155046e7152c7081/1464948170878/Nr%204,%20Islam%20och%20muslimer,%20nr%204%20komplett.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
23. *Агафошин М. М., Горохов С. А.* Влияние внешней миграции на формирование конфессиональной структуры населения Швеции // *Балтийский регион*. 2020. Т. 12, № 2. С. 84—99. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-6.
24. *Eliassi B.* Constructing cultural Otherness within the Swedish welfare state: The cases of social workers in Sweden // *Qualitative Social Work*. 2015. Vol. 14, № 4. P. 554—571. doi: 10.1177/1473325014559091.
25. *Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С.* Этноконфессиональные иммигрантские гетто как проблема национальной безопасности в современном общественно-политическом дискурсе Дании // *Балтийский регион*. 2020. Т. 12, № 3. С. 55—71. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-4.
26. *Alfthan V.* No-Go Zones i Norden. En jämförande analys mellan två förorter i Finland och problemområden i Sverige och Danmark. 2021. URL: https://www.theseus.fi/bitstream/handle/10024/356450/LP_Alfthan.pdf?sequence=2&isAllowed=y (дата обращения: 07.04.2021).
27. *Fredriksson T., Torstensson M.* Islamistisk radikaliserings. En studie av särskilt utsatta områden. Stockholm, 2019. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1338258/FULLTEXT02> (дата обращения: 07.04.2021).
28. *Ranstorp M., Ahlin F., Hyllengren P., Normark M.* Mellan Salafism och Salafistisk Jihadism — Påverkan mot och utmaningar för samhället. Stockholm, 2018. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1231645/FULLTEXT02.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
29. *Gustafsson L., Ranstorp M.* Swedish Foreign Fighters in Syria and Iraq: An Analysis of Open-Source Intelligence and Statistical Data. Stockholm, Bromma, 2017. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1110355/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
30. *Häggström H., Brun H. (Eds.)* Antagonistiska hot och dess påverkan på lokalsamhället. Stockholm, Bromma, 2019. URL: <https://www.fhs.se/download/18.4de5088316de-ae29189350/1571641866102/Antagnostiska%20hot%20och%20dess%20p%C3%A5verkan%20p%C3%A5%20lokalsamh%C3%A4llet.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
31. *Andersson M. R., Mattson C.* Från ord till handlingsplan. En rapport om kommunala handlingsplaner mot våldsbejakande extremism. Sveriges Kommuner och Landsting. Karlstad, 2017. URL: <https://docplayer.se/108172120-Fran-ord-till-handlingsplan-en-rapport-om-kommunala-handlings-planer-mot-valdsbejakande-extremism.html> (дата обращения: 07.04.2021).

32. *Mulinari S. L.* Slumpvis utvald. Ras-/etnisk profilering i Sverige. Stockholm, 2017. URL: http://www.criminology.su.se/polopoly_fs/1.361560.1513162298!/menu/standard/file/CRD-5600-Rapport_Slumpvis-utvald_final.pdf (дата обращения: 07.04.2021).

33. *Cato J.* När islam blev svenskt: föreställningar om islam och muslimer i svensk offentlig politik 1975—2010. Lund, 2012.

34. *Amghar S., Khadiyatoulah F.* Disillusioned militancy: the crisis of militancy and variables of disengagement of the European Muslim Brotherhood // *Mediterranean Politics*. 2017. Vol. 22, № 1. P. 54—70. doi: 10.1080/13629395.2016.1230941.

Об авторах

Екатерина Юрьевна Талалаева, научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Россия.

E-mail: aikatarin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6007-5202>

Татьяна Сергеевна Пронина, доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Россия.

E-mail: tania_pronina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8902-9154>

SWEDISH ISLAMISM AS A SOCIAL AND POLITICAL ASPECT IN THE FORMATION OF AN ETHNO-CONFESSIONAL PARALLEL SOCIETY

**Talalaeva, E. Yu.,
Pronina, T. S.**

Pushkin Leningrad State University
10 Petersburgskoe shosse, Pushkin, St Petersburg, 196605, Russia

Received 29.04.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-7
© Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S., 2021

An ethno-confessional parallel society, a new actor in the European geopolitical space, is transforming the social and political fabric of Sweden. An institutionalised Muslim parallel society is emerging in vulnerable areas, such as marginalised immigrant districts of Swedish cities, through the efforts of Islamist political, social, and economic structures adhering to the religious and political doctrine of the Muslim Brotherhood. Committed to maintaining the Muslim identity, these organisations seek gradual Islamisation of the Swedish population through ideological influence on immigrants with a Muslim background. These efforts thwart cultural assimilation attempts and hinder the implementation of Swedish integration policy. The lack of research into the peaceful Islamisation of Swedish society and the related problems of Islamophobia, anti-Muslim racism, and radicalisation of Muslim youth lends urgency to investigating the influence of Islamist organisations on the Swedish Muslim immigrant

To cite this article: Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2021, Swedish Islamism as a social and political aspect in the formation of an ethno-confessional parallel society, *Balt. Reg.*, Vol. 13, no 4, p. 111—128. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-7.

community. This study analyses the literature, sources, and statistics on the essential aspects of Swedish Islamisation to provide a holistic picture of the formation of an ethnic-confessional parallel society in Sweden. The findings help evaluate the effectiveness of the national policy on confronting parallel societies, as well as of measures to promote democratic values as the foundation of a united Swedish society.

Keywords:

Islamism, political Islam, parallel society, vulnerable area, Muslim identity, immigrants, Muslim Brotherhood, national security of Sweden

References

1. Khan, S. 2016, *The Battle for British Islam: Reclaiming Identity from Extremism*, London, SAQI.
2. Carlbom, A. 2019, *Samhället måste öppna sig för mångfalden. Mångfaldspolicyn som politisk möjlighet till islamisk activism*, Malmö, Malmö Universitet, 2019, available at: <https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/28798.pdf> (accessed April 07, 2021).
3. Vidino, L. 2017, *The Muslim Brotherhood in Austria. Rapport*, Wien, Universität Wien.
4. Roy, O. 2016, *Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State*, London, Hurst & Company.
5. Andreeva, L.A. 2020, A Challenge to the Modern Constitutional System of Germany: The Activities of the Muslim Brotherhood, *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, vol. 13, no. 4, p. 192—210. doi: <https://dx.doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-9>.
6. Norell, M., Carlbom, A., Durrani, F.K.P. 2016, *Muslimska Brödraskapet i Sverige*, available at: <https://rib.msb.se/filer/pdf/28248.pdf> (accessed April 07, 2021).
7. Pargeter, A. 2013, *The Muslim Brotherhood: From Opposition to Powe*, London, Saqi Books.
8. Hjärpe, J. 2010, *Islamism: Politisk-religiösa rörelser i den muslimska världen*, Malmö.
9. Tibi, B. 2012, *Islamism and Islam*, New Haven, Yale University Press.
10. Al-Anani, Kh. 2016, *Inside the Muslim Brotherhood*, Oxford, Oxford University Press.
11. Roald, A.S. 2014, The Discourse of Multiculturalism: An Obstacle to Cultural Change? *Tidskrift for Islamforskning*, vol. 8, no. 1, p. 248—274. doi: <https://dx.doi.org/10.7146/tifo.v8i1.25330>.
12. Carlbom, A. 2018, *Islamiskaktivism i en mångkulturell kontext—ideologisk kontinuitet eller förändring?* Malmö, Malmö Universitet, available at: <https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/28456.pdf> (accessed April 07, 2021).
13. Otterbeck, J. 2000, *Islam på svenska: tidskriften Salaam och islams globalisering*, Lund.
14. Schuck, C. 2013, A Conceptual Framework of Sunni Islamism, *Politics, Religion and Ideology*, vol. 14, no. 4, p. 485—506. doi: <https://dx.doi.org/10.1080/21567689.2013.829042>.
15. Hübinette, T., Abdullahi, M. 2018, *Swedish Muslims in Cooperation Network Alternative Report*, Stockholm, available at: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CERD/Shared%20Documents/SWE/INT_CERD_NGO_SWE_30871_E.pdf (accessed April 07, 2021).
16. Lundin, T. 2019, *Svenskhet i förändring — en kulturvetenskaplig analys av debatten om gettopaketet i svensk press*, Göteborg, available at: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/62140/1/gupea_2077_62140_1.pdf (accessed April 07, 2021).
17. Roy, O. 2004, *Globalized Islam: The Search for a New Umm*, New York, Columbia University Press.
18. Dianina, S. Yu., Khalil, M.A.M., Glagolev, V.S. 2019, Cultural Islam in Northern Europe, *Balt. Reg.*, vol. 11, no. 3. p. 142—160. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/20798555201938>.
19. Kandil, H. 2015, *Inside the Brotherhood*, Cambridge, Polity press.
20. Johansson, E. (ed.) 2013, *Forskning om utsatthet hos förmodade muslimer och islamofobi i Sverige*, Oxford, Oxford Research, available at: <https://www.do.se/globalassets/publikationer/rapport-forskning-diskriminering-muslimer-sverige.pdf> (accessed April 07, 2021).
21. Gardell, M. 2010, *Islamofobi*, Stockholm, Leopard Förlag.
22. Larsson, G. 2014, *Islam och muslimer i Sverige — en kunskapsöversikt*, Stockholm, available at: <https://www.myndighetenst.se/download/18.50d91f6b155046e7152c7081/1464948170878/Nr%204,%20Islam%20och%20muslimer,%20nr%204%20komplett.pdf> (accessed April 07, 2021).

23. Agafoshin, M.M., Gorokhov, S.A. 2020, Impact of external migration on changes in the Swedish religious landscape, *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 2, p. 84—99. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-6>.

24. Eliassi, B. 2015, Constructing cultural Otherness within the Swedish welfare state: The cases of social workers in Sweden, *Qualitative Social Work*, vol. 14, no. 4, p. 554—571, doi: <https://dx.doi.org/10.1177/1473325014559091>.

25. Talalaeva, E. Yu., Pronina, T.S. 2020, Ethno-confessional immigrant ghettos as a national security problem in Denmark's social and political discourse, *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 3. p. 55—71. doi: <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-4>.

26. Alfthan, V. 2021, *No-Go Zones i Norden. En jämförande analys mellan två förorter i Finland och problemområden i Sverige och Danmark*, available at: https://www.theseus.fi/bitstream/handle/10024/356450/LP_Alfthan.pdf?sequence=2&isAllowed=y (accessed April 07, 2021).

27. Fredriksson, T., Torstensson, M. 2019, *Islamistisk radikaliserings. En studie av särskilt utsatta områden*, Stockholm, available at: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1338258/FULLTEXT02> (accessed April 07, 2021).

28. Ranstorp, M., Ahlin, F., Hyllengren, P., Normark, M. 2018, *Mellan Salafism och Salafistisk Jihadism — Påverkan mot och utmaningar för samhället*, Stockholm, available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1231645/FULLTEXT02.pdf> (accessed April 07, 2021).

29. Gustafsson, L., Ranstorp, M. 2017, *Swedish Foreign Fighters in Syria and Iraq: An Analysis of Open-Source Intelligence and Statistical Data*, Stockholm, Bromma, available at: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1110355/FULLTEXT01.pdf> (accessed April 07, 2021).

30. Häggström, H., Brun, H. (eds.), 2019, *Antagonistiska hot och dess påverkan på lokal-samhälle*, Stockholm, Bromma, available at: <https://www.fhs.se/download/18.4de5088316de-ae29189350/1571641866102/Antagnostiska%20hot%20och%20dess%20p%C3%A5verkan%20p%C3%A5%20lokalsamh%C3%A4llet.pdf> (accessed April 07, 2021).

31. Andersson, M.R., Mattson, C. 2017, *Från ord till handlingsplan. En rapport om kommunala handlingsplaner mot våldsbejakande extremism. Sveriges Kommuner och Landsting*, Karlstad: Advant Produktionsbyrå, available at: <https://docplayer.se/108172120-Fran-ord-till-handlingsplan-en-rapport-om-kommunala-handlings-planer-mot-valdsbejakande-extremism.html> (accessed April 07, 2021).

32. Mulinari, S.L. 2017, *Slumpvis utvald. Ras-/etnisk profilering i Sverige*, Stockholm: Civil Rights Defenders and Stockholm University, available at: http://www.criminology.su.se/polopoly_fs/1.361560.1513162298!/menu/standard/file/CRD-5600-Rapport_Slumpvis-utvald_final.pdf (accessed April 07, 2021).

33. Cato, J. 2012, *När islam blev svenskt: föreställningar om islam och muslimer i svensk offentlig politik 1975—2010*, Lund, Lunds Universitet.

34. Amghar, S., Khadiyatoulah, F. 2017, Disillusioned militancy: the crisis of militancy and variables of disengagement of the European Muslim Brotherhood, *Mediterranean Politics*, vol. 22, no. 1, p. 54—70. doi: <https://dx.doi.org/10.1080/13629395.2016.1230941>.

The authors

Ekaterina Yu. Talalaeva, Research Fellow, Centre for Religious and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University, Russia.

E-mail: aikatarin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6007-5202>

Prof. Tatiana S. Pronina, Senior Researcher, Centre for Religious and Ethnopolitical Studies, Pushkin Leningrad State University, Russia.

E-mail: tania_pronina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8902-9154>